

После ужина Чжоу Ай убрала посуду.

Е Ишу, дождавшись, пока она закончит на кухне, вошёл и снова вскипятил большой котёл воды.

Выйдя из ванной комнаты свежим и чистым, он направился в спальню и увидел, что Сун Чжэньцзинь, засучив рукава, разбирает принесённые им вчера травы.

— Помощь нужна? — спросил Е Ишу.

Сун Чжэньцзинь поднял голову. Перед ним стоял гээр с влажными, распущенными по плечам волосами. Уголки его глаз тронул лёгкий румянец, а губы казались особенно яркими. Взгляд Сун Чжэньцзиня на мгновение затуманился, и он медленно отвёл глаза.

Он встал и, вернувшись из своей комнаты с чистым полотенцем, протянул его Е Ишу.

— Вытри волосы.

Е Ишу сел рядом с ним, перекинул длинные волосы на плечо и принялся растирать их полотенцем.

Он наблюдал, как Сун Чжэньцзинь, перебирая испачканные землёй травы, пачкает пальцы. У некоторых растений были нужны только корни, у других — наоборот.

Пока Е Ишу сушил волосы, Сун Чжэньцзинь закончил разбирать травы, вынес их, чтобы промыть, и разложил на бамбуковом сите. Затем он вернулся с жаровней, наполненной раскалёнными углями.

Он поставил жаровню посреди комнаты.

— Погрейся у огня.

Окно сквозило, прикрытое лишь несколькими досками. Сун Чжэньцзинь, заметив это, достал купленную сегодня оконную бумагу, снял доски и заново заклеил окно.

Е Ишу, грея волосы у огня, с удивлением наблюдал за ним.

Обычно в крестьянских домах не использовали оконную бумагу — это было слишком дорого. Хижина Сун Чжэньцзиня была ветхой, но он, тем не менее, купил бумагу высшего качества.

Было непонятно, богат он или беден.

Когда Сун Чжэньцзинь закончил возиться с окном, волосы Е Ишу уже высохли. Длинные, доходящие до пояса, они лёгким облаком рассыпались по спине.

Чистый аромат, смешавшись с теплом от углей, наполнял комнату, и его можно было почувствовать, едва переступив порог.

Сун Чжэньцзинь, открывая дверь, на мгновение замер, затем вошёл и закрыл её за собой.

— Травы, которые нашёл А-Хуан, дорогие? — спросил Е Ишу.

При свете свечи глаза гээр мерцали, как россыпь звёзд, а неясный свет придавал его чертам оттенок кротости.

Сун Чжэньцзинь отвернулся и, не сразу вспомнив вопрос, ответил:

— Это обычные травы. В таком виде, необработанные и в малом количестве, Цзидэ-тан их обычно не принимает.

— Но если их обработать, то это другое дело.

— А как их обрабатывать?

— Завтра я тебя научу.

Он ответил так просто, что Е Ишу, улыбнувшись, сложил руки в благодарном жесте.

— Тогда заранее благодарю доктора Суна.

Его улыбка, казалось, заразила и Сун Чжэньцзиня. Его строгие черты неувовимо смягчились, словно в них отразилось тепло от огня, и он молча принял эту благодарность.

Ночь прошла без сновидений.

На следующее утро Е Ишу предупредил Сун Чжэньцзиня и, захватив купленные припасы, отправился обратно в деревню Сялинь.

Ши Пулю, увидев, что её сын, вчера вернувшийся дважды, сегодня снова здесь, окончательно избавилась от остатков тоски.

— Мама, я вернулся, — сказал Е Ишу.

— В этот раз хоть предупредил доктора Суна? — с притворной строгостью спросила Ши Пулю.

— Предупредил, не волнуйся, — улыбнулся Е Ишу, поворачивая её к себе за плечи.

— Зачем же ты снова вернулся? — спросила она.

— Я хочу открыть небольшое дело, но мне нужна твоя помощь.

Ши Пулю, теперь, когда муж был на её стороне, больше не занималась делами всей большой семьи. Внезапно появившееся свободное время казалось ей даже немного скучным.

Услышав, что сыну нужна её помощь, она тут же воодушевилась.

— Какое дело? — Она полностью доверяла своему гээр, но всё же не удержалась от предостережения: — Только не будь как твой младший дядя, который вечно гонится за большой прибылью, а в итоге всё теряет.

— Нет, нет, я буду осторожен. Это просто закусовая. Но ты же знаешь, я не силен в готовке, вот и пришёл к тебе за помощью.

На улице было неудобно разговаривать, и Е Ишу увлёк Ши Пулю и Доумяо в дом.

— А где отец?

Ши Пулю вздохнула.

— Не может сидеть без дела. Переживает из-за потраченных денег, снова ушёл на заработки.

— Тогда пусть завтра, когда вернётся с работы, принесёт мне новое деревянное ведро.

— Хорошо, я ему скажу, — кивнула Ши Пулю. — Так расскажи скорее, что за еду ты хочешь готовить?

— Вот, смотри... — Е Ишу вкратце описал ей идею маленьких острых шашлычков. Суть была проста: нанизать разные продукты на бамбуковые палочки, отварить в пряном бульоне и продавать с секретным соусом.

Такое дело не требовало ни большого прилавка, ни значительных вложений. Если всё

получится, его отец мог бы заниматься этим вместо тяжёлой подённой работы.

Чем дольше слушала Ши Пулю, тем ярче загорались её глаза. Едва сын закончил, она тут же вскочила.

— Хорошо, хорошо! Я сейчас же попробую!

— Мама, помни, чтобы дедушка с бабушкой и младший дядя не узнали.

Ши Пулю хлопнула его по руке.

— Не волнуйся, я всё сохраню в тайне.

— Тогда ты попробуй приготовить несколько соусов, а у меня там ещё дела. Я приду завтра.

Попрощавшись с семьёй, Е Ишу вернулся в деревню Шанчжу.

Он застал Сун Чжэньцзиня за нарезкой вчерашних промытых трав.

Е Ишу подошёл к воротам. А-Хуан тут же подбежал, преграждая ему путь. Е Ишу похлопал пса по голове, потрепал за ухом, и только тогда тот отошёл в сторону.

Е Ишу широким шагом вошёл во двор и подошёл к Сун Чжэньцзиню.

Тот, увидев его, не прекращая работы, спросил:

— Уладил?

— Нет, просто рассказал маме о вкусе. Получится или нет, узнаем, когда она попробует.

Е Ишу ел во многих ресторанах. Хотя дома у них были лишь самые обычные продукты, его мать умела приготовить из них настоящие деликатесы, и вкус у неё был отменный. Е Ишу был уверен, что она сможет воссоздать нужный соус.

Отложив пока эту мысль, Е Ишу принялся учиться у Сун Чжэньцзиня обработке трав.

Сун Чжэньцзинь, указывая на лозу куриной крови, которую как раз резал, начал подробно объяснять процесс.

Время пролетело незаметно, и прошла уже большая часть дня.

Иногда приходили больные, и Сун Чжэньцзинь отлучался, чтобы их осмотреть. В это время Е Ишу просто занимал его место и продолжал нарезать травы.

От Сун Чжэньцзиня исходил лёгкий аромат лекарств — запах, впитавшийся за долгие годы работы с травами.

Занимаясь нарезкой, Е Ишу размышлял.

Он заметил, что, когда Сун Чжэньцзинь был дома, ни Чжоу Ай, ни её сын не показывались. Похоже, они и впрямь были совсем не близки.

К тому же, за всё время пребывания в доме Сун он ни разу не видел его отца. Можно было подумать, что у него и нет никакого отца.

Пока он витал в облаках, на его ногу вдруг легло что-то тяжёлое. Опустив взгляд, Е Ишу увидел, что это голова пса.

Е Ишу пошевелил ногой.

— Иди спать в сарай, на улице же холодно.

А-Хуан лишь слегка вильнул хвостом в ответ. Е Ишу усмехнулся и оставил его в покое.

За полдня Сун Чжэньцзинь, то осматривая больных, то обучая Е Ишу, рассказал ему об обработке многих распространённых трав. Незаметно подошло время ужина.

Сун Чжэньцзинь ел три раза в день. В обед Е Ишу не готовил. Но сейчас, увидев, что Сун Чжэньцзинь, разложив травы, направляется на кухню, из дома вышла Чжоу Ай.

Она шла, опустив глаза, ведя за руку сына. Лишь улыбнувшись Сун Чжэньцзиню и не смея взглянуть ему в глаза, она сказала:

— Я приготовлю.

Сун Чжэньцзинь остановился и не пошёл дальше.

Если жизнь в доме Е была шумной, то здесь царила чрезмерная тишина. Чжоу Ай жила слишком осторожно, и эта её осторожность заражала и других, заставляя держать дистанцию.

Е Ишу не нравилась ни та, ни другая атмосфера. Он считал, что лучше всего жить отдельно, своей семьёй.

После ужина Е Ишу всё думал о своей затее с закуской. Он поднял взгляд и, посмотрев поверх соломенной крыши на склонившиеся над ней, словно лук, зелёные бамбуковые стебли, громко спросил:

— Доктор Сун, чей это бамбук за домом?

— Мой, — ответил Сун Чжэньцзинь.

— Тогда я у тебя его куплю.

— Если нужно, просто срубь.

Е Ишу спросил его, где взять тесак, и он, обойдя дом, отправился в бамбуковую рощу.

Он выбрал два прямых зелёных бамбуковых ствола, срубил их несколькими ударами, очистил от веток и притащил во двор.

Он расколол бамбук пополам, потом ещё пополам... и начал строгать тонкие полоски длиной с ладонь, заостряя один конец.

Работа была лёгкой, но кропотливой. Весь остаток дня Е Ишу только и делал, что строгал бамбуковые палочки.

Сун Чжэньцзинь не знал, какую закуску задумал Е Ишу, и не спрашивал. Закончив со своими делами, он присоединился к нему.

Солнце клонилось к закату, окрашивая горы в багряные тона.

В горах поднялся туман, словно нефритовый пояс, опоясавший вершины.

Е Ишу собрал все готовые бамбуковые палочки и замочил их в воде. Завтра он отнесёт их матери.

Вымыв руки, Е Ишу подошёл к развешанной во дворе ватной одежде и потрогал её. Она уже полностью высохла.

Он снял одежду, занёс в дом и, сложив, положил в шкаф Сун Чжэньцзиня.

Открыв дверцу, он увидел на стопке синих халатов аккуратно сложенную его красную одежду и нижнее бельё.

Е Ишу на мгновение замер, затем достал свою одежду и убрал в свой узелок.

На следующее утро Е Ишу проснулся с первым криком петуха.

Он открыл глаза, повернулся и пошевелился. Взглянув на пол у кровати, он увидел, что Сун Чжэньцинъ лежит на спине, а одеяло бугорком поднимается в том месте, где, должно быть, сложены его руки.

Тёмные волосы рассыпались по подушке. Белый воротничок нижнего халата был слегка распахнут, открывая бледную шею. Чёрные, как смоль, ресницы отбрасывали тень на щёки.

Дыхание его было ровным и глубоким, он лежал неподвижно. Даже во сне он был таким же строгим и собранным.

Е Ишу некоторое время задумчиво смотрел на него, затем прикрыл глаза рукой.

Они спали в одной комнате уже несколько дней и, кажется, он уже начал к этому привыкать. Совсем недавно они были чужими людьми, а теперь стали... друзьями?

Да, теперь их, наверное, можно было назвать друзьями.

Полежав ещё немного, Е Ишу сел. Быстро оделся, причесался и, перехватив волосы лентой, вышел из комнаты.

Он вошёл на кухню и только успел разжечь огонь в очаге, как проснулся и Сун Чжэньцинъ.

Завтрак готовил Сун Чжэньцинъ. За свои восемнадцать лет жизни в этом мире Е Ишу впервые видел мужчину, который сам готовил на кухне.

Он наблюдал, как тот неторопливо, но умело, своими большими ладонями с растопыренными пальцами замешивает тесто. Потом ловко раскатывает лепёшку и нарежает тонкие полоски лапши.

В сочетании с подливкой из рубленого мяса это было невероятно вкусно.

— Спасибо, — сказал Е Ишу и без церемоний принялся за еду.

После завтрака он вымыл посуду, а Сун Чжэньцинъ отправился к больным.

Позавтракав у Сун Чжэньцзиня, Е Ишу взял палочки и, перевалив через небольшой холм, вернулся в свою деревню Сялинь.

Едва подойдя к дому, он почувствовал сильный, резкий аромат.

Он глубоко вдохнул: пряный, с лёгкой кислинкой — идеальное воссоздание того запаха, который он помнил.

Войдя во двор, он увидел, что мать и Доумяо сидят в комнате и едят. Он только что поел, но от этого запаха у него снова потекли слюнки.

Ши Пулю, увидев, что Доумяо, выглянув, крикнул "Брат!", поняла, что это Е Ишу, и с радостью взяла миску и палочки.

— Гээр, поешь с нами.

— Мама, я уже ел... — начал было Е Ишу, но его взгляд упал на ярко-красное блюдо на столе.

— Это я приготовила по твоему рецепту. Попробуй.

Такое острое с самого утра.

Но аромат был слишком соблазнительным, и Е Ишу не удержался. Он сел за стол и присоединился к ним.

— Все овощи, что ты принёс, я положила туда. Твой брат вчера съел целую кучу, а сегодня утром снова просил. Попробуй скорее, тот ли это вкус, что ты хотел.

Говоря это, Ши Пулю, чьё лицо за последние дни немного порозовело, улыбалась. После разрыва с родителями она словно ожила, как засохшее дерево весной.

Е Ишу, видя это, радовался в душе. Ради этого он и старался.

Он посмотрел на Доумяо, который уплетал за обе щеки, и улыбнулся.

Сначала он попробовал ложкой немного соуса, а затем взял кусочек тофу.

Нежный тофу, пропитавшись соусом, соединил в себе кислые, пряные и острые нотки. В этот зимний день один горячий кусочек мгновенно пробуждал аппетит и заставлял выступить на лбу испарину.

Тот, кто никогда не ел острого, сначала чувствует лишь жжение, но чем больше ешь, тем труднее остановиться. Как, например, сейчас Доумяо.

Попробовав пару кусочков, Е Ишу остался доволен. Он сказал Ши Пулю:

— Мама, у тебя золотые руки. С таким соусом даже подошву съесть можно.

Ши Пулю засмеялась, и в её глазах заблестели искорки. Голос её звучал непривычно нежно.

— Опять ты меня хвалишь.

Доумяо, подняв голову с набитыми щеками, как у хомяка, согласно кивнул брату.

— Так и есть.

— Раз так, то завтра же отправимся в город и попробуем продавать, — решил Е Ишу.

Ши Пулю, потирая руки, с нетерпением сказала:

— Тогда нужно срочно готовиться.

— Мама, тех специй, что я вчера принёс, хватит?

— Хватит. Сегодня я попросила твоего отца принести ведро. Но зимой еда ведь быстро остынет.

— Я думал продавать холодным.

— Так не пойдёт, — нахмурилась Ши Пулю, не соглашаясь. — Кто же в такую погоду будет есть холодное? Летом — другое дело. Давай лучше возьмём из дома печку.

Е Ишу редко видел, чтобы мать так уверенно отстаивала своё мнение, и, конечно, уступил.

— Хорошо, как скажешь.

Убрав со стола, Е Ишу вместе с матерью принялся за дело. Зимних овощей было немного, но вся суть была во вкусе.

Тофу, капуста, морские водоросли, рыбные шарики, ломтики свинины. Для первого раза решили ограничиться этими пятью видами.

Е Ишу купил два куска тофу. Каждый весил около цзиня и стоил пять вэней. Ши Пулю нарезала их полосками толщиной с палец.

Морские водоросли заранее замочили, свинину нарезали тонкими ломтиками. Рыбные шарики продавались на рынке уже готовыми, их нужно было только сварить.

Пока они с матерью резали, Доумяо нанизывал всё на бамбуковые палочки.

На его глазах гора продуктов в миске росла. Доумяо аккуратно раскладывал разные виды шашлычков, словно солдатиков на параде.

— Доумяо, сколько уже палочек? — спросил Е Ишу.

Доумяо, лишь бросив взгляд на тарелку, тут же ответил:

— Сто три, — и, подняв на Е Ишу сияющие глаза, посмотрел на него с явной просьбой о похвале.

Е Ишу с одобрением посмотрел на него.

— Наш Доумяо такой молодец, с одного взгляда всё сосчитал.

Доумяо выпрямился, словно петушок-победитель. Е Ишу и его мать, обменявшись взглядами, с трудом сдержали смех и отвернулись.

Семья Ши Пулю теперь не пользовалась общей кухней, а готовила на улице на самодельном очаге. Но сейчас, в холодную погоду, они перенесли всё в восточный флигель.

Маленький столик, за которым они только что ели, убрали, и на нём теперь стояли разделочные доски и корзины. Гора вымытых овощей постепенно уменьшалась, а два деревянных таза рядом с Доумяо уже были полны.

— Почти готово, — сказал Е Ишу.

Ши Пулю, взяв последний кусок замоченных водорослей, нарезала его и бросила в таз к Доумяо, после чего с неохотой остановилась.

Она прикинула количество овощей и, нахмурившись, с беспокойством сказала:

— На это уйдёт, наверное, больше половины специй.

— Я и так купил немного, — ответил Е Ишу. — Если будет хорошо продаваться, съезжу в уезд и куплю ещё.

Ши Пулю потёрла руки. Специи были дорогие, а из всех продуктов только рыбные шарики и свинина стоили денег.

Окупятся ли затраты?

Ши Пулю убрала со стола и, усадив Е Ишу, достала купленный им мёд, развела его с горячей водой и поставила перед обоими детьми.

После острой утренней еды им хотелось пить.

Е Ишу, отпив из чашки, увидел озабоченное лицо матери и не удержался от вопроса:

— Мама, о чём ты беспокоишься?

— Не знаю, какую цену назначить, гээр.

Е Ишу задумался.

— Мы ведь только начинаем, и порции у нас небольшие. Если цена будет высокой, никто не купит. Овощные — по одному вэню за палочку, мясные — по два.

— Даже если не продадим, много не потеряем.

Лицо Ши Пулю изменилось, и она шлёпнула его по руке.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Ещё не начали продавать, а ты уже о потерях. Плохая примета.

Видя её взволнованность, Е Ишу почувствовал тепло в душе.

Мать и сын тихо разговаривали в комнате, как вдруг на двери появилась тень. Доумяо, указав на дверь, уже хотел что-то сказать, но Е Ишу прикрыл ему рот рукой.

Он взглянул на мать, давая ей знак.

Ши Пулю побледнела. По силуэту она узнала свекровь.

Со вчерашнего дня, как Ши Пулю начала готовить соус, она то и дело замечала, как Ли Сынян проходит мимо.

Помня слова сына, Ши Пулю, как только та появлялась, прятала всё. Ли Сынян, ничего не разглядев, злобно бросала пару слов и уходила к себе.

Сейчас она наверняка снова пришла, чтобы выведать рецепт соуса.

Е Ишу ободряюще посмотрел на мать и громко сказал, обращаясь к своей бабушке:

— Бабушка, если уж подслушивать, то нужно выбирать место получше. Вы стоите у двери, вас же сразу видно, как-то это не профессионально.

Ли Сынян, увлечённая подслушиванием, не ожидала, что Е Ишу вдруг обратится к ней.

Вспомнив, как этот маленький негодяй с топором рубил дверь, она тут же отскочила от двери и быстро ушла.

Е Ишу хмыкнул.

— Мама, хочешь завтра пойти со мной на рынок посмотреть?

Ши Пулю хотела было сказать, что дома скотина, за которой нужно присматривать, но, не успев произнести и слова, вспомнила, что это уже не её забота.

На сердце у неё полегчало, и она с нежной улыбкой ответила:

— Хорошо, я пойду тебе помогу.

Посидев ещё немного в комнате, она увидела, как мать сняла с печи глиняный горшок с лекарством.

Лекарство уже сварилось, но отвар был прозрачным — видно было, что его варили уже много раз.

Е Ишу нахмурился и, позвав игравшего с волчком Доумяо, спросил:

— Мама в последнее время брала лекарства?

— Брала, — ответил Доумяо. — Дома осталось ещё пять доз, но мама каждую пьёт по два-три

дня.

— Так нельзя, — вздохнул Е Ишу. — Лекарство теряет свою силу.

Если бы не та история с младшим дядей...

— Кстати, младший дядя сейчас успокоился?

Доумяо покачал головой.

— Дедушка с бабушкой теперь не выпускают его из дома, но он всё равно каждый раз тайком уходит по ночам.

— Ты видел?

— Да, ночью, когда ходил в туалет, несколько раз его видел, — хихикнул Доумяо, сверкнув белыми зубами. — Но я уже рассказал дедушке с бабушкой, и младшего дядю снова побили.

Е Ишу, приподняв бровь, похлопал мальчика по голове.

— Молодец.

Ближе к вечеру вернулся отец с ведром в руках.

Е Чжэнкунь, увидев сына в комнате, сменил своё обычное суровое выражение лица на улыбку.

От этого он сразу стал выглядеть простодушнее.

— Папа, ты вернулся! — позвал Е Ишу.

— Гээр, когда ты пришёл? — спросил Е Чжэнкунь.

— Сегодня утром, после завтрака, — Е Ишу взял у него ведро, а Доумяо принёс отцу горячей воды.

Е Чжэнкунь почувствовал тепло в душе. Он взял воду, залпом выпил и, переведя дух, сказал:

— Твоя мама сказала, что ты завтра собираешься в город торговать. Я пойду с тобой.

— А работа? — спросил Е Ишу.

— Эту партию доставили, сейчас в городе работы нет.

Е Ишу кивнул, взял ведро и тщательно его вымыл. Мать тем временем приготовила печку и угли.

Они взяли корзину, сложили туда продукты, печку и котёл. Завтра можно было отправляться на рынок.

Вещей было немного. Уладив все дела, Е Ишу поужинал дома и отправился в деревню Шанчжу.

На полпути он вдруг услышал шорох. Насторожившись, он приготовился к встрече с диким зверем, но из кустов вдруг выскочил жёлтый пёс.

Е Ишу отступил на шаг, уклоняясь от его лап.

— Знаешь, как меня встречать, — усмехнулся он.

Они прошли ещё немного, и в лесу показалась фигура с фонарём.

Ещё не стемнело, и фонарь не был зажжён. Человек смотрел на него, и его лёгкий, как шёлк, взгляд скользнул по нему.

Е Ишу улыбнулся.

— Доктор Сун, почему вы снова здесь?

— Эта гора хоть и невысокая, но здесь водятся дикие звери, — ответил Сун Чжэньцинъ.

— Раз знаете, зачем пришли? Я ведь охотник, вы забыли?

— Не забыл, — Сун Чжэньцинъ остановился прямо перед Е Ишу. Его взгляд скользнул по лицу гээр и отстранился. — Будем считать, что я вышел на прогулку.

— Какая необычная у вас прогулка, доктор Сун, — с усмешкой поддразнил его Е Ишу.

Сун Чжэньцинъ взглянул в его лисьи глаза.

— Мы ведь теперь друзья?

— Почти, — Е Ишу стал разговаривать с ним более непринуждённо.

— Тогда я могу называть тебя А-Шу?

— Как хочешь, это всего лишь имя.

— А-Шу, — кивнул Сун Чжэньцзинь.

Они всё ещё были в лесу. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра и весёлым топотом собачьих лап.

Его голос был низким и приятным, и сейчас это простое имя, произнесённое им, прозвучало так, словно он прошептал его на ухо, с какой-то особой нежностью.

Е Ишу захотелось потереть ухо. Не то чтобы его соблазнило это чувство, просто голос доктора Суна был действительно ласкающим слух.

Стемнело. Они вдвоём спускались с горы. Две деревни находились близко друг к другу, и с невысокой горы их обе было хорошо видно.

Но подниматься в гору было трудно, а спускаться — не легче. Жители деревень без особой надобности не ходили друг к другу. Только такой выносливый, как Е Ишу, не ленился.

Когда они спустились, уже совсем стемнело. Сун Чжэньцзинь зажжёт фонарь.

А-Хуан бежал впереди, время от времени останавливаясь и оглядываясь, словно ожидая их.

Е Ишу, чувствуя исходящий от Сун Чжэньцзиня аромат лекарств, потёр нос.

— Завтра я поеду в город, уеду очень рано.

— Знаю, — мягко ответил Сун Чжэньцзинь.

— В следующий раз можешь не приходить.

— Ночью в горах дорога опасная.

— Я же охотник.

— И гээр...

Они перебрасывались ничего не значащими фразами, как будто были членами семьи, подтрунивая друг над другом, но не чувствуя при этом неловкости.

Сун Чжэньцзинь должен был быть холодным и отстранённым, но Е Ишу чувствовал в нём какую-то особую, глубокую основательность.

Каждое его слово, каждое движение было неторопливым. Даже сейчас, идя рядом с ним и молча, он чувствовал, как утихает внутренняя суэта.

Е Ишу посмотрел на фонарь.

Он был слегка наклонён в его сторону, ярко освещая дорогу перед ним, в то время как перед самим Сун Чжэньцзинем было темно.

<http://bllate.org/book/13660/1587297>